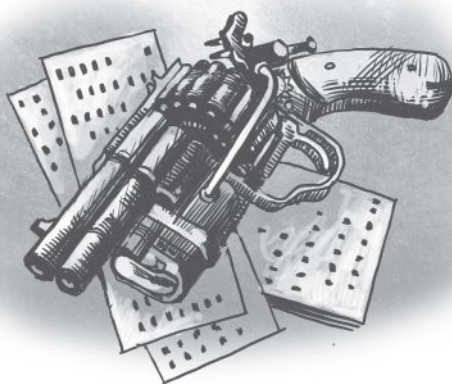

УИЛЬЯМ ГИБСОН БРЮС СТЕРЛИНГ

Машина различий

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)+821.111-312.4
ББК 84(7Coe)+84(7Кан)-44
Г 46

William Gibson, Bruce Sterling
THE DIFFERENCE ENGINE
Copyright © 1990 by William Gibson and Bruce Sterling
All rights reserved

Перевод с английского Михаила Пчелинцева

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Владимира Гусакова

ISBN 978-5-389-15310-3

© М. А. Пчелинцев (наследники),
перевод, примечания, 2018
© А. Б. Гузман, примечания, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

Итерация первая

АНГЕЛ ГОЛИАДА

Композитное изображение, оптически закодированное аэропланом сопровождения трансканального дирижабля «Лорд Брюнель»: в кадре — окраины Шербура, 14 октября 1905 года.

Вилла, сад, балкон.

Уберите завитки чугунной решетки балкона, и взгляду откроется кресло-каталка и сидящая в нем женщина. На никелированных спицах обращенного к окну колеса горит закатное солнце.

Арtritные руки женщины, владелицы виллы, лежат на узорчатой материи, сотканной станком Жаккарда.

Руки состоят из сухожилий, тканей, сочлененных суставами костей. Время и незримые информационные процессы сплели из микроскопических волокон клеточного материала женщину.

Ее имя — Сибил Джерард.

Внизу, в запущенном английском саду, голые виноградные лозы оплели деревянные решетки, укрепленные на шелушащихся, давно не беленных стенах. Теплый сквозняк, проникающий в открытые окна комнаты, шевелит на шее женщины выбившиеся из прически седые волосы, приносит запахи дыма, жасмина, опиума.

Ее взгляд устремлен в небо, где проплывает исполинский, бесконечно прекрасный силуэт — металл, сумевший за время ее жизни разорвать пути тяготения. Предшествуя этой царственной громаде, на фоне красного горизонта ныряют и кувыркаются крошечные беспилотные аэропланы.

«Как жаворонки», — думает Сибил.

Огни дирижабля, золотые квадраты окон, мысль о человеческом тепле. Легко и естественно ее воображение рисует картину. Она слышит далекую музыку, музыку Лондона, видит прогулочную площадку дирижабля. Пассажиры пьют, завязывают мимолетные дорожные романы, возможно — танцуют.

Мысли приходят непрошено, разум строит свои перспективы, сплетая чувства и воспоминания, порождает смысл.

Она вспоминает жизнь в Лондоне. Вспоминает, как она — та, прошлая, давняя — идет по Стрэнду, торопливо огибает толпу зевак у Темпл-Бар. Все дальше и дальше разворачивается вокруг нее город Памяти — пока у стен Ньюгейта на мостовую не падает тень повешенного отца...

Словно наткнувшись на непреодолимое препятствие, память сворачивает, уходит на другой путь, туда, где всегда вечер...

15 января 1855 года.

Комната в «Гранд-Отеле», Пикадилли.

Один стул перевернут задом наперед и надежно подпирает тяжелую, граненого стекла ручку двери. Другой заваLEN одеждой: короткая женская накидка с оборками, грубошерстная, заляпанная грязью юбка, клетчатые брюки, визитка.

У стены — широкая, ламинированная под клен кровать с балдахином, под одеялом угадываются две фигуры. Где-то вдали стиснутый железной хваткой зимы Биг-Бен проревел десять, хриплый вой каллиопы, дымное, питаемое каменным углем дыхание Лондона.

Ледяной холод простыни. Сибил вытянула ноги, нащупала ступнями керамическую, обернутую фланелью грелку. Пальцы ее правой ноги задели голень мужчины. Прикосновение вырвало его из глубокой задумчивости. Таков уж он был, этот Мик Рэдли, Денди Мик.

Она встретила Мика Рэдли на Уиндмилл-стрит, в «Танцевальной академии Лорента». Теперь, после нескольких дней знакомства, ей казалось, что Мику больше бы подошли «Келлнерз» на Лестер-сквер или даже, может быть, «Портленд румз». Он вечно что-то обдумывал, замыслил, бормотал что-то себе под нос. Умный парень, очень умный. Это ее тревожило. И миссис Уинтерхолтер тоже бы ее не одобрила: обхождение с «политическими джентльменами» требовало такта и умения держать язык за зубами, качеств, которые, по мнению миссис Уинтерхолтер, в избытке имеются у нее самой, однако полностью отсутствуют у ее подопечных.

— И запомни, Сибил, — сказал Мик, — глазки мужикам не строить, хвостом не вертеть. С этим покончено.

Очередная сентенция. Плод его усиленных раздумий.

Сибил усмехнулась, ее лицо было наполовину скрыто одеялом. Мику нравится эта усмешка, усмешка испорченной девчонки. А насчет строить глазки, вряд ли он это всерьез. Так что лучше обратим все в шутку.

— Но не будь я такой вертихвосткой, разве была бы здесь с тобой?

— Забудь, что ты была шлюхой.

— Ты же знаешь, что я имею дело только с джентльменами.

— Это я, что ли, джентльмен? — фыркнул Мик.

— Самый что ни на есть джентльмен. — (Давай, Сибил, самое время ему польстить.) — Модный, современный. Ты же знаешь, я не люблю лордов-радикалов. В гробу я их видала.

Сибил дрожала от холода, но даже это не омрачало ее радости.

Что ни говори, тут ей выпала удача — сколько угодно бифштексов с картошкой и горячего шоколада, кровать с чистыми простынями в номере фешенебельной гостиницы. И гостиница не какая-нибудь, а самая современная, с центральным паровым отоплением, хотя, с другой стороны, Сибил охотно променяла бы беспокойное бурчание раззолоченного радиатора на жар хорошо протопленного камина.

И ведь он — симпатичный парень, этот Мик Рэдли. Упакован потрясно, карманы полные, и при этом не жмот, как некоторые. И пока что не требовал ничего необычного или противного. Сибил знала, что все это скоро кончится, поскольку Мик был приезжим джентльменом из Манчестера. Как приехал, так и уедет. Но доход с него был, и возможно, ей еще удастся растряссти его напоследок. Главное — сделать так, чтобы он привязался к ней и жалел о разлуке.

Мик откинулся на мягкие пуховые подушки и заложил безукоризненно ухоженные руки за голову с наимоднейшей, словно только-только из дорогой парикмахерской, прической. Шелковая ночная сорочка, на груди — пена кружев. Всё по первому классу. Теперь он вроде был не прочь и поговорить. Мужчины, они потом любят поговорить — в основном о своих женах.

Но Денди Мик говорил исключительно о политике.

— Так ты ненавидишь их светлостей?

— А почему бы и нет? — отозвалась Сибил. — У меня есть на то причины.

— И то правда, — медленно произнес Мик. Его взгляд, исполненный холодного превосходства, заставил Сибил зябко поежиться.

— Что ты хочешь этим сказать, Мик?

— Я знаю, почему ты ненавидишь правительство. У меня есть твой индекс.

Секундное удивление тут же сменилось страхом. Сибил резко села в постели. Во рту появился противный железный привкус.

— Ты же держишь удостоверение в сумочке, — объяснил Мик. — Я дал твой индекс одному знакомому магистрату. Он прогнал его через правительственную машину и распечатал твоё боу-стритовское досье. Тра-та-та — и готово, всего-то и делов. — Он довольно ухмыльнулся. — Так что теперь я все о тебе знаю. Знаю, кто ты такая...

Она попыталась не выказать своего ужаса.

— Ну и кто же я, по-вашему, мистер Рэдли?

— Никакая ты не Сибил Джонс, дорогуша. Ты — Сибил Джерард, дочь Уолтера Джерарда, луддитского агитатора.

Он вторгся в ее тайное прошлое.

Жужжание невидимых механизмов, прядущих нить истории.

Мик наблюдал за ее лицом и улыбался. И Сибил вдруг вспомнила этот взгляд. Точно такой, как тогда в заведении Лорента, когда он впервые высмотрел ее в переполненном танцевальном зале. Алчущий взгляд.

— И давно ты это знаешь? — Голос у нее дрогнул.

— Со второй нашей ночи. Ты же знаешь, что я сопровождаю генерала. Генерал — человек важный, а у всякого важного человека есть враги. Как его секретарь и доверенное лицо, я не имею права рисковать с незнакомыми людьми. — Маленькая, хищная рука Мика легонько тронула ее за плечо. — Ты могла оказаться чьим-нибудь агентом. Мною двигали исключительно деловые соображения.

Сибил отпрянула.

— Шпионить за беспомощной девушкой, — выдавила она наконец. — Ну и ублюдок же ты!

Но ругань, похоже, ничуть его не задела — он оставался холодным и жестким, словно судья или лорд.

— Если я и шпионю, девочка, то лишь в своих собственных целях. Я не стукач и не прихвостень властей, чтобы смотреть свысока на революционера, каким был Уолтер Джерард. Как бы там ни называли его теперь наши радикальнейшие лорды, твой отец был героем.

Мик чуть поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Уолтер Джерард — он был *моим* героем. Я видел его в Манчестере на митинге, он говорил о правах трудящихся. Это было незабываемо — мы глотки надсаживали криком «ура!». Старые добрые «Адские коты»... — В голосе Мика вдруг прорезались простонародные манчестерские интонации. — Ты слыхала когда про «Адских котов»? В те времена, давно.

— Уличная банда, — пожала плечами Сибил. — Манчестерские хулиганы.

Мик нахмурился:

— Мы были братство! Молодежная гильдия! Твой отец хорошо нас знал. Можно сказать, он был нашим вдохновителем.

— Я бы предпочла, чтобы вы не говорили о моем отце, мистер Рэдли.

Мик раздраженно помотал головой.

— Когда я услышал, что его судили и повесили... — (слова, от которых всегда леденело ее сердце), — мы с ребятами похватали факелы и ломы и буквально взбесились, пошли все крушить... Во славу Неда Лудда, девочка! Сколько ж это лет прошло... — Он потрогал свою кружевную грудь. — Я редко рассказываю эту историю. У машин правительства долгая память.

Теперь все стало понятно — и щедрость Мика, и его сладкие речи, и загадочные намеки о тайных планах и лучшей участи, о крапленых картах и тузах в рукаве. Он дергал ее за ниточки, превращая в свою марионетку. Для человека вроде Мика дочь Уолтера Джерарда — заманчивая добыча.

Сибил откинула одеяло и встала. Зябко ступая по ледяным половицам, перебежала в рубашке к стулу и начала торопливо рыться в груди одежды. Накидка с оборками. Жакетка. Огромная клетка кринолина. Белая кираса корсета.

— Возвращайся в постель, замерзнешь, — лениво окликнул ее Мик. — Не психуй. — Он покачал головой. — Все не так, как ты думаешь, Сибил.

Упорно не оборачиваясь, она продолжала сражаться с корсетом возле окна, где сквозь обмерзшее стекло сочился с улицы свет газового фонаря. Быстрым привычным движением накрепко затянула ленты.

— А если даже и так, — задумчиво продолжал, наблюдая за ней, Мик, — то лишь в небольшой степени.

На другой стороне улицы из только что распахнувшихся дверей оперы выходят господа в черных долгополых пальто

и цилиндрах. Лошади в пополах бьют копытами об асфальт и встряхивают от холода гривами. Сверкающий кузов парового экипажа, принадлежащего, надо думать, какому-то лорду, все еще хранит следы чистого загородного снега. В толпе работают проститутки. Бедные девочки, холод на улице собачий, и легко ли отыскать в такую холодную ночь доброе лицо среди всех этих крахмальных рубашек и бриллиантовых запонок. Сибил повернулась к Мику, растерянная, рассерженная, испуганная.

— Кому ты обо мне рассказал?

— Ни единой душе, — ответил Мик, — ни даже моему другу генералу. Я не собираюсь доносить на тебя. Никто еще не обвинял Мика Рэдли в болтливости. Так что возвращайся в постель.

— Не вернусь. — Сибил выпрямилась, ее босые ноги едва не примерзали к полу. — Сибил Джонс — она могла делить с тобой постель, но дочь Уолтера Джерарда — личность значительная!

Мик удивленно сморгнул, задумался, потирая подбородок, а затем кивнул:

— О сколь горька моя утрата, мисс Джерард. — Он сел в постели и театрально указал на дверь. — Так надевайте же свою юбку и ботиночки, мисс Джерард, и мотайте отсюда со всей вашей значительностью. Хотя, с другой стороны, будет очень жаль, если вы уйдете. Умная девушка мне бы ой как пригодилась.

— Да уж не сомневаюсь, — бросила Сибил, но помедлила. Этот негодяй явно намеревался разыграть еще какую-то карту, это было написано у него на лице.

Мик усмехнулся, глаза его превратились в узкие щелочки.

— Ты бывала когда-нибудь в Париже, Сибил?

— Париж? — Ее дыхание застывало в воздухе белыми облачками.

— Да, — кивнул Мик, — в беззаботном и чарующем Париже. Именно туда отправится генерал по завершении лондонских лекций. — Он поддернул кружевные манжеты. —

А для чего ты мне нужна, я пока не скажу. У генерала далекоирующие планы. И правительство Франции оказалось перед определенными затруднениями, которые требуют помощи экспертов... — Он торжествующе осклабился. — Но, похоже, я тебя утомляю, а?

Сибил переступила с ноги на ногу.

— Ты возьмешь меня в Париж? — медленно проговорила она. — Честно, не врешь?

— Честнее не бывает. Можешь проверить, в кармане моего пальто лежит билет на паром из Дувра.

В дальнем углу стояло гобеленовое кресло; подойдя к нему, Сибил взяла пальто Мика. Пытаясь унять безудержную дрожь, накинула пальто на плечи. Прекрасная мягкая шерсть, надеть такое — все равно что закутаться в теплые деньги.

— Посмотри в правом кармане, — подсказал Мик. — В бумажнике. — Его, похоже, забавляло, что она ему не верит.

Сибил опустила озябшие руки в карманы. Глубокие, с плюшевой подкладкой...

Ощутив левой рукой жесткий холод металла, она машинально вытащила кургузый многоствольный дерринджер. Ручка из слоновой кости, замысловатое поблескивание стальных курков и латунных патронов. Короткий, с ее ладонь, но тяжелый.

— Вот это ты зря, — нахмурился Мик. — Будь добра, положи его на место.

Сибил убрала опасный предмет, осторожно, но быстро, словно это был живой краб. В другом кармане она нашла футляр из красного сафьяна, внутри были визитные карточки, деловые и личные, с машинной гравировки портретом Мика, под ними лежали расписание лондонских поездов и тисненый прямоугольник жесткого кремового пергамента — билет первого класса на «Ньюкомен» из Дувра.

— Но ведь тебе понадобится два билета. — Она помедлила. — Если ты действительно думаешь взять меня с собой.

— Да, — согласно кивнул Мик, — и второй билет на поезд из Шербура. Нет ничего проще. Можно заказать по телеграфу, прямо от портье.

Сибил снова поежилась и плотнее закуталась в пальто, Мик рассмеялся:

— Не строй такую кислую рожу. Ты все еще рассуждаешь как шлюха, перестань. Начни думать масштабно, иначе мне от тебя никакой пользы. Ты теперь — подружка Мика, пташка высокого полета.

— Я никогда не была с мужчиной, который бы знал, что я Сибил Джерард, — неохотно объяснила Сибил.

Вранье, конечно же. Был еще Эгрмонт — человек, который ее обесчестил. Уж он-то прекрасно знал, кто она такая. Но Чарльз Эгрмонт не имел уже ровным счетом никакого значения — он жил теперь в совершенно ином мире со своей респектабельной, не в меру спесивой женой, своими респектабельными детьми и своим респектабельным местом в парламенте.

И Сибил вовсе не *шлялась* с Эгрмонтом. Слово какое-то не то. Впрочем, здесь трудно провести грань...

А еще она видела, что свежеизобретенная ложь Мику нравится. Щекочет его самолюбие.

Мик открыл серебряный портсигар, извлек оттуда черуту и закурил от маслянисто вспыхнувшей многоцветной спички, наполнив комнату сладковатым запахом вишневого табака.

— Значит, теперь ты меня стесняешься? — спросил он через пару секунд. — Так, пожалуй, даже лучше. То, что я знаю, дает мне чуть больше власти над тобой, чем одни деньги. — Его глаза сузились. — Ведь важно то, что ты знаешь, верно, Сибил? Это нечто большее, чем земля, или деньги, или высокородное происхождение. *Информация*. Самое то.

Сибил испытала мгновенный приступ ненависти к Мику, к его спокойствию и самоуверенности, — чистейшее негодование, резкое и первобытное. Но она подавила в себе это чувство. Ненависть поникла, теряя остроту, обращаясь

в стыд. Ведь она ненавидела этого человека только за то, что он ее знает, знает по-настоящему. Он знает, как низко пала Сибил Джерард, знает, что она была когда-то образованной девушкой с манерами и изяществом под стать любой леди.

В детстве, в дни отцовской славы, Сибил вдосталь насмотрелась на таких, как Мик Рэдли. Фабричная голытьба, пятачок пучок в базарный день, эти остервенелые мальчишки сбивались вокруг отца после каждой его зажигательной речи, делали все, что он ни прикажет. Развинчивали рельсы, срывали клапаны паровых машин, вращающих ткацкие станки, гордо складывали к отцовским ногам каски поверженных полисменов. Они с отцом бежали из города в город, зачастую по ночам. Ночевали в подвалах, на чердаках, в безликих меблированных комнатах, скрываясь от радикальской полиции и кинжалов других заговорщиков. И иногда, возбудившись от своих речей, отец брал Сибил за плечи, обещал ей весь мир. Она станет жить госпожой в зеленой и тихой Англии, когда Король Пар будет наконец низвержен. Когда Байрон и его промышленные радикалы будут бесповоротно разбиты...

Но пеньковая веревка заставила отца умолкнуть. Радикалы все правили и правили, идя от триумфа к триумфу, перетасовывая мир, как колоду карт. И вот теперь Мик Рэдли вознесся в этом мире, а Сибил Джерард пала.

Она стояла и молчала, кутаясь в пальто Мика. Париж. Огромное искушение. От одной лишь мысли, а вдруг Рэдли не врет, кружилась голова. Сибил заставила себя задуматься о том, что будет, если она оставит свою жизнь в Лондоне. Это была дурная, жалкая, убогая жизнь — и все же не совсем безнадежная. Ей еще было что терять. Меблированная комната в Уайтчепеле и милый Тоби, ее кот. И была еще миссис Уинтерхолтер, которая знакомила девушек с политическими джентльменами. Миссис Уинтерхолтер, хоть и сводня, ведет себя как леди и вполне надежна, таких еще поискать. И еще она потеряет двух своих постоянных джентль-

менов, мистера Чедвика и мистера Кингсли, каждый из которых навещает ее дважды в месяц. Что ни говори, постоянный заработок, спасающий ее от улицы. Но у Чедвика в Фулеме ревнивая жена, а у Кингсли Сибил украла лучшие его запонки, это ж надо быть такой душой. И он догадывается, чьих рук это дело.

И ни один из них не швыряет деньги так свободно, как Денди Мик.

Она старательно изобразила улыбку:

— Какой же ты, Мик Рэдли, чудной. Сам ведь знаешь, что можешь вертеть мною как хочешь. Может, я сперва на тебя и взъелась, но не настолько уж я придурочная, чтобы не распознать настоящего джентльмена с первого взгляда.

Мик выпустил дым.

— Ну и хитра же ты, — восхищенно протянул он. — Врешь напропалую, а личико — ну прямо ангельское. Меня ты, конечно же, не обманула и не обманешь, можешь не надеяться. И все же как раз такая девочка мне и нужна. А теперь — марш в постель.

Сибил послушно легла.

— Мамочки, — сказал он, — у тебя же не ноги, а просто ледышки! Почему ты не носишь комнатные туфли? — Он решительно потянул ленты корсета. — Комнатные туфли и черные шелковые чулки, — продолжал он. — Черные чулки — высший шик, особенно в постели.

Аароновский приказчик, стоявший за дальним концом застекленного прилавка, окинул Сибил холодным взглядом. Высокий и надменный, в щегольском черном сюртуке и до блеска начищенных ботинках, он чувствовал, что тут что-то не так, прямо нюхом чуял. Сибил ждала, пока Мик расплатится, чинно сложив руки перед собой и украдкой постреливая глазами из-под голубых рюшей капора. Под ее юбкой, в каркасе кринолина, притаилась шаль, украденная, пока Рэдли примерял цилиндры.

Сибил легко научилась воровать сама, безо всякой посторонней помощи. Тут необходима выдержка, это главное. И нахальство. Не смотри ни направо, ни налево — просто хватай, задирай подол и прячь. А потом стой себе с постной физиономией, словно барышня из приличных на утренней службе.

Приказчик потерял к ней интерес, теперь он паялился на толстяка, теребившего подтяжки муарового шелка. Сибил быстро проверила юбку. Нет, вроде не выпирает.

Юный прыщавый клерк с чернильными пятнами на пальцах ввел индекс Мика в кредитную машину. Вжик, щелк, поворот рычага с ручкой из черного дерева — и готово. Он протянул Мику отпечатанный чек, завернул покупку в хрустящую зеленую бумагу и обвязал шпагатом.

«Аарон и сын» никогда не хватятся кашемировой шали. Потом устроят переучет, конторские машины выявят недостачу, но ведь это для них что слону дробина, вон ведь какой магазин, огромный, богатый, прямо что твой дворец. Сплошные греческие колонны, люстры из ирландского хрусталя, миллионы зеркал; блещущие позолотой комнаты загромождены резиновыми сапогами для верховой езды и французским мылом, тростями и зонтиками. А уж в стеклянных, запертых на ключ витринах — чего только нет. Брошки посеребренные и брошки резные, слоновой кости, а еще золотые музыкальные шкатулки и вообще все, что хочешь. И это лишь один магазин из дюжины. Но при всем при том — и Сибил это знала — «Аарон и сын» не был по-настоящему фешенебельным магазином, благородные здесь не покупают.

Только ведь в Англии при деньгах и голове можно добиться чего угодно. Придет время, и мистер Аарон, старый, пейсатый торговец-еврей из Уайтчепела, станет его светлостью с паровым экипажем, терпеливо ожидающим у обочины, и собственным гербом на дверце того экипажа. Радикалистскому парламенту ровным счетом наплевать, что мистер Аарон нехристь. Ведь пожаловали лордством Чарльза Дарвина, который сказал, что Адам и Ева были макаками.

Облаченный во французистую ливрею лифтер с лязгом отодвинул перед Сибил и Миком дверь, затем с тем же лязгом закрыл, и клеть пошла вниз.

Покинув залы «Аарона и сына», они окунулись в суету Уайтчепела. Пока Мик сверялся по карте города, выуженной из кармана пальто, Сибил разглядывала меняющиеся буквы на фасаде магазина. Механический фриз — по сути дела, малоскоростной кинотроп, приспособленный для показа объявлений о товарах, — был составлен из сотен раскрашенных деревянных кубиков, поворачивающихся за зеркальным стеклом то одной, то другой гранью. «ПРЕВРАТИТЕ ВАШЕ ПИАНИНО, — предлагали прыгающие буквы, — В ПИАНОЛУ КАСТНЕРА».

Горизонт к западу от Уайтчепела порос частоколом подъемных кранов — голые стальные скелеты, выкрашенные от сырости суриком. Здания постарше стояли в лесах — все, что не шло на снос, уступая место новому, перестраивалось по его подобию. Вдалеке пыхтели экскаваторы, мостовую сотрясала мелкая дрожь — где-то в глубине исполинские механизмы прокладывали новую линию подземки.

Но тут Мик без единого слова развернулся налево и зашагал прочь; его шляпа была сдвинута набекрень, длинное пальто развевалось на ходу, резко мелькали клетчатые отвороты брюк. Сибил едва за ним поспевала. Оборванный мальчишка, на груди жестяная бляха с номером, сгребал с перекрестка мокрый грязный снег; Мик, не задерживаясь, швырнул ему пенни и повернул в Мясницкий ряд.

Сибил наконец нагнала его и взяла под руку. Слева и справа на почерневших железных крюках висели красные и белые туши — говядина, баранина, телятина; плотные мужики в заляпанных кровью передниках многоголосо расхваливали свой товар. Обитательницы Лондона толпились здесь дюжинами с корзинками в руках. Служанки, кухарки, добропорядочные жены добропорядочных мужей. Краснолицый косоглазый мясник выскочил на мостовую прямо перед Сибил; в его ладонях лежало что-то синее и скользкое.

— Постой, красавица! Купи мужу на пирог самые лучшие на рынке почки!

Сибил дернулась и обошла его стороной.

Обочину загромождали тележки, возле которых выкликали свой товар торговцы и торговки; на их плисовых куртках сверкали латунные и перламутровые пуговицы. У каждого имелся свой номерной значок, хотя, по словам Мика... добрая половина номеров была липой, такой же липой, как и гири их весов. Мостовая, расчерченная мелом на аккуратные квадраты, была сплошь устелена клеенками, уставлена корзинами; Мик принялся рассказывать, к каким уловкам прибегают торговцы, чтобы придать свежий вид лежалым, сморщенным фруктам, как они подкладывают дохлых угрей к живым. Сибил улыбалась, видя, как он гордится своими познаниями. Тем временем торговцы кричали о своих метлах, мыле, свечах, а хмурый шарманщик двумя руками крутил ручку своей машины, наполняя улицу торопливым дребезжанием колокольчиков, струн и стальных пластинок.

Мик остановился около складного столика, за которым восседала раскосая женщина в бомбазине — вдова, что ли? Тонкие, скорбно поджатые губы сжимали короткую глиняную трубку. На столике были выставлены многочисленные пузырьки с вязкой на вид жидкостью; должно быть, какое-то патентованное лекарство, решила Сибил, поскольку на каждый пузырек была наклеена синяя бумажка с расплывшимся изображением краснокожего дикаря.

— И что бы это могло быть? — осведомился Мик, постучав пальцем по залитой красным воском пробке.

Прежде чем ответить, вдова извлекла трубку изо рта.

— Каменное масло, мистер, а еще его называют барбадосской смолой. — Ее густой, тягучий акцент неприятно резал ухо, но Сибил почувствовала не раздражение, а скорее жалость. Как далеко занесло эту женщину от того заморского места, которое она звала своим домом.

— Ясно, — кивнул Мик. — А оно, случаем, не техасское?

— Чудо природы, целебный бальзам, — сообщила вдова, — здоровье и радость доставит вам. Собран дикарями из племени сенека в Пенсильвании, с вод великого Масляного ручья, мистер. Три пенни за флакон, и вы забудете все свои болезни.

Узкие бесцветные глаза женщины прищурились еще сильнее, почти утонули в сетке морщин; она смотрела на Мика с каким-то странным выражением, словно пыталась вспомнить лицо. Сибил зябко поежилась.

— Удачи тебе, матушка, — сказал Мик с улыбкой, которая почему-то напомнила Сибил детектива из Отдела по борьбе с пороками, которого она когда-то знала. Маленький рыжеватый человечек, в чьем ведении находились Лестерсквер и Сохо. Девушки прозвали его Барсуком.

Мик двинулся дальше.

— Что это такое? — спросила Сибил, беря его под руку. — Что она там продает?

— Каменное масло, — ответил Мик, оглянувшись на черную согбенную фигуру. — Генерал говорит, в Техасе оно прямо брызжет из-под земли...

— И это что, и вправду помогает от всех болезней? — заинтересовалась Сибил.

— Не бери в голову, — отмахнулся Мик, — и кончаем треп. — Его явно заинтересовало что-то происходившее в конце переулка. — Вон там один из них. Ты знаешь, что тебе делать.

Сибил кивнула и стала пробираться сквозь базарную толчею к человеку, которого высмотрел Мик. Это был продавец баллад, тощий, со впалыми щеками парень. Из-под цилиндра, обтянутого яркой, в горошек, тканью, выбивались длинные, сто лет не мытые волосы. Руки он держал перед собой, молитвенно сложив ладони, из рукавов мятой куртки торчали пачки листовок с нотами и текстом.

— «Железная дорога в Рай», «Железная дорога в Рай», ле-ди и господа, — привычно тараторил продавец. — «Мчится

поезд надежды по скале веков, из Правды и Веры рельсы, а паровоз — Любовь». Прекрасная мелодия, и всего за два пенни, мисс.

— У вас есть «Ворон Сан-Хасинто»? — спросила Сибил.

— Надо, так достану, — отозвался продавец. — А о чем это?

— О великой битве в Техасе, о великом генерале.

Продавец баллад удивленно вскинул брови. Глаза у него были голубые, с безумным блеском — то ли от голода, то ли от религии, а может, и от джина.

— Так, значит, ваш мистер Хасинто — один из этих крымских генералов, француз?

— Нет-нет, — снисходительно улыбнулась Сибил. — Генерал Хьюстон, Сэм Хьюстон из Техаса. И мне нужна эта песня, крайне нужна.

— Сегодня вечером я покупаю свежие публикации и непременно спрошу вашу песню, мисс, непременно спрошу.

— Мне нужно по меньшей мере пять экземпляров, для всех моих друзей, — сказала Сибил.

— За десять пенсов вы получите шесть.

— Значит, шесть, и сегодня вечером, на этом же месте.

— Как скажете, мисс. — Продавец тронул поля шляпы.

Сибил поспешила затеряться в толпе. Все получилось! И не так уж это было и страшно. Раз, другой — и совсем привыкнешь. Да и как знать, может, песня и вправду хорошая, так что люди, которым продавец сбавит в конце концов свои листочки, получают удовольствие. Внезапно рядом с ней возник Мик.

— Неплохо, — снисходительно заметил он, запуская руку в карман пальто, чтобы, как фокусник — кролика, извлечь оттуда теплый, с пылу с жару, яблочный пирожок, обсыпанный сахарной пудрой и завернутый в промасленную бумагу.

— Спасибо, — произнесла Сибил с удивлением и облегчением; она как раз думала свернуть в какой-нибудь тихий уголок и достать украденную шаль, а ведь Мик, получается,

все это время ни на секунду не спускал с нее глаз. Она его не видела, а он ее видел. Такой уж он есть, и не надо об этом забывать.

То вместе, то порознь они прошли весь Сомерсет, а затем и огромный рынок Петтикоут-Лейн, освещенный с приближением вечера сонмом огней: ровно горели калильные газовые фонари, ослепительно сверкало белое ацетиленовое пламя, среди разложенной на прилавках снеди мигали чадящие масляные лампы и стеариновые плошки. Несмотря на оглушительный гвалт, Сибил, к вящей радости Мика, одурачила здесь еще троих торговцев балладами.

В ночном сердце Уайтчепела, огромном питейном заведении, где на поблескивающих золотыми обоями стенах полыхали газовые рожки, Сибил нашла дамскую уборную. Там, в безопасности вонючей кабинки, она смогла наконец переложить свою добычу поудобнее. Шаль была очень мягкая, чудесного лилового цвета — благодаря одной из этих странных новых красок, которые делают из угля. Сибил аккуратно сложила шаль и затолкала ее в корсет, пусть пока полежит в надежном месте. Вернувшись к своему новому руководителю, она застала его уже за столиком. Мик успел заказать для нее медовый джин. Сибил села рядом, не дожидаясь приглашения.

— Отличная работа, девочка, — сказал Рэдли, пододвигая ей стакан.

В зале было не протолкнуться от крымских солдат-отпускников; на крикливых, багровых от неумеренно поглощаемого джина ирландцах гроздьями висели уличные феи. Служанок тут не водилось, только устрашающего вида бармены в белых передниках и с увесистыми дубинками, деликатно припрятанными за стойкой.

— Джин пьют только шлюхи, Мик.

— Да почему же обязательно шлюхи, — пожал плечами Мик. — Все его пьют. И ты не шлюха, Сибил.

— Потаскуха, уличная девка, — криво усмехнулась Сибил. — Как ты там еще меня называл?

— Ты теперь напарница Денди Мика. — Он зацепил большими пальцами за проймы жилета и откинулся назад, балансируя на задних ножках стула. — Ты — *авантюристка*.

— Авантюристка?

— Вот именно. — Мик со стуком опустил передние ножки стула на пол. — За тебя. — Он отхлебнул из стакана и скривился. — А ты лучше не трогай эту отраву, они ее скипидаром разбавили, а то и чем похуже. Пошли отсюда.

На этот раз Сибил предусмотрительно повисла на руке Мика, чтобы не мчался, как на пожар.

— Так, значит, вы... э-э... мистер Мик Рэдли — авантюрист?

— Он самый, Сибил, — кивнул Мик, — и ты станешь моей ученицей. А потому делай, что тебе говорят, со всем подобающим подмастерью смирением. Изучай приемы ремесла. А потом, когда-нибудь, ты вступишь в профсоюз. В гильдию.

— Как мой отец, да? Ты что, Мик, смеешься? Кто был он и кто такая я?

— Нет, — отрезал Мик. — На таких, как он, мода прошла. Теперь он никто.

— Так что же, — криво усмехнулась Сибил, — значит, в эту твою хитрую гильдию принимают и нас, распутных девиц?

— Это гильдия знания, — учительским тоном пояснил Мик. — Хозяева, большие шишки, они могут отобрать у тебя все, что угодно. С их проклятыми законами и фабриками, судами и банками... Они могут делать с миром все, что им заблагорассудится, они могут отобрать у тебя дом и родных и даже работу, на которой ты надрываешься... — Мик гневно пожал плечами. — И даже, если ты простишь мне такую дерзость, украсть добродетель у дочери героя. — Он крепко сжал ее руку. — Но им не отнять у тебя того, что ты знаешь, Сибил. Этого им никогда не отнять.

Сибил услышала шаги Хетти по коридору, затем — побрякивание вставляемого в скважину ключа. Она отпустила ручку серинета, и звук замер на высокой, визгливой ноте.

Вошедшая девушка стянула с головы шерстяную, присыпанную снегом шапочку и скинула темно-синий плащ. Хетти также принадлежала к числу подопечных миссис Уинтерхолтер. Ширококостая хриплоголосая брюнетка, она многовато пила, однако дома вела себя вполне пристойно и, самое главное, никогда не обижала Тоби.

Сибил вынула и уложила в гнездо железную, с фарфоровым набалдашником ручку дешевого серинета, захлопнула исцарапанную крышку.

— Я тут репетировала. Миссис Уинтерхолтер хочет, чтобы я пела в следующий четверг.

— Черт бы ее побрал, эту старую потаскуху, — сочувственно откликнулась Хетти. — А я-то думала, у тебя свидание с мистером Ч. Или с мистером К.?

Хетти потопала ногами перед маленьким узким камином, чтобы согреться, и вдруг заметила россыпь обувных и шляпных коробок от «Аарона и сына».

— Ну ты вообще! — Ее губы изогнулись в широкой, чуть завистливой улыбке. — Это что, новый ухажер? Ну и прусшница же ты, Сибил Джонс!

— Возможно.

Сибил плотнула укрепляющей лимонной настойки и чуть запрокинула голову, чтобы горло отдохнуло.

— А ведь небось старуха не в курсе? — подмигнула Хетти.

Сибил с улыбкой покачала головой. Эта не проговорится.

— Ты знаешь чего-нибудь о Техасе?

— Страна в Америке, — не задумываясь, отрапортовала Хетти. — Принадлежит французам, да?

— Ты путаешь с Мексикой. Хочешь сходить на кинотропическое шоу? Бывший президент Техаса выступает с лекцией. У меня есть билеты, бесплатно.

— Когда?

— В субботу.

— Я в этот день танцую, — погрузилась Хетти. — Может, Мэнди сходит? — Она подышала на озябшие пальцы. — Попозже зайдет один мой друг, тебе ведь это не помешает, правда?

— Нисколько, — ответила Сибил.

У миссис Уинтерхолтер было строгое правило, запрещавшее девушкам принимать мужчин в своей комнате. Хетти сплошь и рядом игнорировала это правило, буквально напрашиваясь на неприятности — домовладелец терпит-терпит, а потом возьмет и настучит. Поскольку миссис Уинтерхолтер предпочитала вносить плату за комнаты непосредственно домовладельцу, мистеру Кэрнзу, Сибил почти не случалось с ним говорить, тем более с его женой, угрюмой, толстоногой особой, чьи шляпки могли довести неподготовленного человека до обморока. Кэрнз и его жена никогда не стучали на Хетти, непонятно почему, ведь комната Хетти располагалась стенка в стенку с их спальней, а Хетти особо себя не сдерживала, когда приводила домой мужчин, по большей части — иностранных дипломатов, людей со странным выговором и, судя по звукам за стеной, еще более странными наклонностями.

— Да ты пой, если хочешь, — сказала Хетти, опускаясь на колени перед потухающим камином. — У тебя прекрасный голос. Такой талант нельзя зарывать в землю.

Мелко дрожа от холода, она принялась по одному подкладывать в камин куски угля. В комнату забрался сквозняк — должно быть, через растрескавшийся переплет одного из забитых окон, — и на какой-то миг Сибил ясно почувствовала присутствие рядом чего-то чуждого. Словно чьи-то глаза холодно следят за ней из нездешних сфер. Она подумала о мертвом отце. *«Ставь голос, Сибил. Учись говорить. Это единственное наше оружие»*, — говорил он ей. И это — за несколько дней до ареста, когда уже стало понятно, что радикалы вновь победили, — понятно всем, кро-

ме Уолтера Джерарда. Даже она видела с ужасающей ясностью всю бесповоротность отцовского поражения. Его идеалы обречены на забвение — не отложены до лучших времен, а напрочь вычеркнуты из истории, они будут раздавлены, многократно перемолоты, как дворняжка, угодившая под грохочущие колеса поезда. *«Учись говорить, Сибил. Это единственное наше оружие...»*

— Почитаешь? — спросила Хетти. — А я заварю чай.

— Хорошо.

В их с Хетти пестрой беспорядочной жизни чтение вслух было одним из тех мелких ритуалов, которые заменяли им домашний уют. Сибил взяла со стола последний номер «Иллюстрейтед Лондон Ньюс», расположила свой кринолин в скрипучем, пахнущем сыростью кресле и начала прямо с передовицы. Опять динозавры.

Судя по всему, радикалы совсем сдвинулись на этих своих динозаврах. Газета напечатала гравюру с изображением экспедиции лорда Дарвина: семеро мужчин во главе с самим лордом, не поленившимся съездить в Тюрингию и спуститься в шахту, устали на какую-то штуку, торчащую из каменного угля в самом конце забоя. Сибил прочла вслух заголовков, показала Хетти картинку. Кость. Эта самая, которая в угле, штука оказалась чудовищной, с человека размером, костью. Сибил передернуло. Перевернув страницу, она наткнулась на следующую иллюстрацию — как могло бы выглядеть это существо в жизни, с точки зрения газетного художника: чудовище с двойным рядом треугольных, вроде как у пилы, зубцов вдоль горбатого хребта. Огромное, как слон, а злобная, отвратительная головка не больше собачьей.

Хетти разлила чай.

— «Рептилии были полновластными хозяевами Земли», — процитировала она, вдевая нитку в иголку. — Хрень это все собачья, ни слову не верю.

— Почему?

— Да это ж кости тех долбанных великанов, про которых в Библии говорится. Священники врать не станут.

Сибил промолчала. Одна идея дикая, другая и того чище. Она перешла к следующей статье, где восхвалялись действия артиллерии Ее Величества в Крыму. Сибил обнаружила гравюру с изображением двух симпатичных младших офицеров, взирающих на работу дальнобойной пушки. Сама эта пушка, с дулом толстым, как заводская труба, казалась вполне способной расправиться со всеми динозаврами лорда Дарвина. Однако внимание Сибил привлекла врезка с изображением артиллерийского вычислителя. Хитроspлетенные шестеренки обладали странной красотой и напоминало узор каких-нибудь вычурных обоев.

— Тебе заштопать чего-нибудь надо? — спросила Хетти.

— Нет, спасибо.

— Тогда почитай рекламу, — попросила Хетти. — Ненавижу эту болтовню о войне.

Тут были ХЭВИЛЕНДСКИЙ ФАРФОР из Лиможа, Франция; «ВИН МАРИАНИ», французский тоник, рекомендуемый к употреблению самим Александром Дюма; «КНИГА ОПИСАНИЙ», включающая портреты и автографы знаменитостей, заявки присылать на Оксфорд-стрит, дом такой-то; СТОЛОВОЕ СЕРЕБРО «ЭЛЕКТРО» С КРЕМНИЕВЫМ ПОКРЫТИЕМ, не снашивается, не царапается, ни с чем не сравнимо; ВЕЛОСИПЕДНЫЙ ЗВОНОК «В НОВЫЙ ПУТЬ», уникальный голос; КАМЕННАЯ ВОДА ДОКТОРА БЕЙЛИ, лечит брайтову болезнь и подагрический артрит; КАРМАННАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА «РИДЖЕНТ», предназначена для использования в домашних швейных машинках.

Последнее объявление привлекло внимание Сибил, но совсем не потому, что обещало крутить машинку с удвоенной скоростью всего за полпенни в час. Тут был рисунок маленького, изящного парового котла на парафине или газе. Чарльз Эгрмонт приобрел такую штуку для своей жены. Отработанный пар должен был отводиться в ближайшую форточку, для чего к котлу прилагался специальный резиновый шланг. Однако, по словам мистера Эгрмонта, что-

то там вышло не так и гостиная мадам превратилась в турецкую баню. Слушая печальную эту повесть, Сибил с трудом скрывала злорадство.

Когда с газетой было покончено, Сибил отправилась спать. Около полуночи ее разбудил мощный ритмичный скрип кровати за стенкой.

В театре «Гаррик» было темно, пыльно и холодно — и в оркестровой яме, и на балконах, и в зале, среди рядов потертых кресел; но темнее всего было под сценой, там, куда только что спустился Мик Рэдли, вдобавок оттуда несло сыростью и известкой.

— Ты видела когда-нибудь кинотроп, а? — гулко донеслось снизу.

— Как-то раз, за кулисами, — ответила Сибил. — В Бетнел-Гринском мюзик-холле. Я знала парня, который его крутил. Тамошний клакер.

— Дружок? — резко спросил Мик.

— Нет, — поспешила ответить Сибил. — Я там немного пела... Бросила, на этом не заработаешь.

Снизу донесся резкий щелчок многоцветной спички, потом второй, и лишь с третьей попытки Мик зажег огарок свечи.

— Спускайся, — скомандовал он, — нечего стоять там, как гусыня.

Подобрав юбки кринолина, Сибил стала осторожно спускаться по отсыревшим ступеням узкой крутой лесенки.

Мик, привстав на цыпочки, нащупывал что-то за высоким сценическим зеркалом — огромным листом амальгамированного стекла на подставке с колесиками, потертыми деревянными рукоятками и лоснящимися от смазки шестеренками. Вытащив оттуда дешевый саквояж из черного брезента, он осторожно опустил его на пол у своих ног и присел, чтобы расстегнуть хлипкие жестяные замки. На свет божий появилась пачка перфорированных карточек, обернутая

полоской красной бумаги. В саквояже лежало несколько таких пачек и что-то еще — Сибил заметила блеск полированного дерева.

Мик обращался с карточками очень бережно, словно с Библией.

— Проще простого, — сказал он. — Нужно только их замаскировать — написать на обертке какую-нибудь глупость, например: «Лекция о вреде алкоголя. Части один, два, три». И ни одному дураку ни за что не придет в голову их украсть или хотя бы загрузить и посмотреть, что же это такое. — Он провел по краю пачки большим пальцем, и она резко затрещала, как новая игральная колода. — Я вложил сюда уйму денег, — продолжал Мик. — Несколько недель работы лучших киноумельцев Манчестера. Но смею заметить, разработка моя, целиком и полностью. Отлично вышло, девочка. В некотором роде даже художественно. Скоро сама увидишь.

Закрыв саквояж, Мик встал, осторожно опустил колоду в карман пальто, потом наклонился над каким-то ящиком и вытянул толстую стеклянную ампулу. Сдув с ампулы пыль, он сдавил ее конец специальными щипцами; стекло раскололось с характерным хлопком откачанного, герметично запаянного сосуда. Мурлыча что-то себе под нос, Мик потряхнул на ладонь белый цилиндрик прессованной извести и аккуратно вставил его в гнездо калильной лампы — большой тарелкообразной конструкции из закопченного железа и блестящей луженой жести. Затем повернул кран шланга, потянул носом, удовлетворенно кивнул, повернул второй кран и поднес свечу; из горелки вырвался яростный ком голубоватого пламени.

Сибил, вскрикнув, зажмурилась, в глазах у нее поплыли синие точки. Мик иронически хмыкнул, его руки продолжали возиться с ровно шипящей горелкой.

— Вот так-то лучше, — сказал он через пару секунд, направив ослепительно-яркий друммондов свет на зеркало. —

Теперьотрегулируем это трюмо, повернем его куда следует — и дело с концом.

Сибил, щурясь, огляделась по сторонам. Под сценой «Гаррика» было тесно, сыро и пахло крысами, ни дать ни взять грязный подвал, где подыхают собаки и нищие; под ногами — рваные, пожелтевшие афиши сомнительных фарсов с названиями вроде «Проныра Джек» или «Лондонские негодяи». В углу валялись скомканные дамские «неназываемые». Недолгие безрадостные дни сценической карьеры позволяли ей догадываться, каким образом оказался здесь столь пикантный предмет.

Она скользнула взглядом по паровым трубам и тугим, как струна, проволочным тягам к сверкающему вычислителю Бэббиджа, маленькой кинотропной модели, не выше самой Сибил. В отличие от всего остального в «Гаррике», установленная на четырех брусках красного дерева вычислительная машина выглядела вполне прилично. Пол и потолок над и под ней были аккуратно выскоблены и побелены. Паровой вычислитель — штука тонкая, с характером, если ты не намерен его холить, уж лучше вообще не покупай. В отсветах калильной лампы причудливой колоннадой тускло поблескивали латунные, усеянные круглыми выступами цилиндры, многие десятки цилиндров. Снизу и сверху их удерживали массивные, тщательно отполированные стальные пластины, вокруг сверкали десятки рычагов и храповиков, тысячи стальных шестеренок. От машины пахло льняным маслом.

Сверкающий, непостижимый механизм завораживал Сибил, вызывал у нее странное, сродни голоду или алчности, чувство. Так можно относиться... ну, скажем, к красивой породистой лошади. Ей хотелось иметь... нет, не обязательно саму эту вещь, но какую-нибудь над ней власть.

Сибил вздрогнула, почувствовав на своем локте ладонь Мика.

— Красивая штука, правда?

— Да... красивая.

Мик развернул ее лицом к себе и медленно, будто священнодействуя, вложил затянутую перчаткой ладонь между капором и левой щекой, нажимом большого пальца заставил Сибил поднять голову и пристально посмотрел ей в глаза.

— Чувствуешь, что от нее исходит?

Сибил напугали и его срывающийся голос, и его глаза, жутковато подсвеченные снизу мертвенно-белым светом каменной лампы.

— Да, Мик, — послушно согласилась она. — Я чувствую... что-то такое.

Он стянул капор с ее головы, и теперь тот болтался сзади на шее.

— Ты же не боишься ее, Сибил, правда? Да конечно же нет, ведь с тобою Денди Мик. Ты чувствуешь некий особый фриссон¹. Ты еще полюбишь это ощущение. Мы сделаем из тебя настоящего клакера.

— А я смогу? Неужели девушке это под силу?

— Ты слыхала про такую леди — Аду Байрон? — рассмеялся Мик. — Дочь премьер-министра и королева машин! — Отпустив Сибил, он раскинул руки жестом балаганного зазывалы, полы его пальто распахнулись. — Ада Байрон, верная подруга и ученица самого Бэббиджа! Лорда Чарльза Бэббиджа, отца разностной машины, Ньютона современности!

— Но ведь Ада Байрон леди! — изумилась Сибил.

— Ты не согласишься, с кем только не водит знакомство наша леди Ада, — усмехнулся Мик, вытаскивая из кармана колоду перфорированных карт и срывая с нее бумажную обертку. — Нет, я не имею в виду садовые чаепития в компании светских хлыщей, но Ада, что называется, баба не промах... на свой математический лад... — Он помедлил. — Хотя, в общем-то, я бы не сказал, что Ада лучше всех. Я знаю пару клакеров в Обществе парового интеллекта, по сравне-

---

¹ Frisson — дрожь (*фр.*).

нию с которыми даже леди Ада покажется малость отсталой. Но она гений. Ты знаешь, что это такое — быть гением?

— Что? — спросила Сибил; наглая самоуверенность Мика приводила ее в бешенство.

— Знаешь, как родилась на свет аналитическая геометрия? Некий парень по фамилии Декарт увидел на потолке муху. Тысячи лет миллионы людей смотрели от скуки на мух, но понадобился Рене Декарт, чтобы создать из этого науку. Теперь-то инженеры пользуются его открытием ежедневно и ежечасно, но не будь Декарта, им бы просто нечем было пользоваться.

— Кому интересны эти его мухи? — удивилась Сибил, но Мик ее не слушал.

— Аду тоже посетило как-то озарение, не хуже, чем Декарта. Только никто не сумел еще приспособить ее догадку к какому-нибудь делу. Чистая математика — так это называется. «Чистая!» — передразнил Мик. — Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что ей пока не находится никакого применения. — Он потер руки и ухмыльнулся. — Вот и догадка Ады Байрон — никто не находит ей применения.

Его веселье действовало Сибил на нервы.

— А я-то думала, ты ненавидишь лордов!

— Я ненавижу их привилегии, то, что не заработано честным путем, — сказал Мик. — Но леди Ада живет за счет своего серого вещества, а не голубой крови. — Он вложил карточки в посеребренный приемный лоток, а затем резко повернулся и схватил Сибил за запястье. — Твой отец мертв, девочка! Не хотелось бы делать тебе больно, но луддисты мертвы, как прогоревшая и остывшая зола. Ну да, мы устраивали демонстрации и надрывали глотки, боролись за права трудящихся и прочее в этом роде, но все это были слова. А пока мы сочиняли листовки, лорд Чарльз Бэббидж чертил чертежи, по которым был построен сегодняшний мир!.. Люди Байрона, люди Бэббиджа, промышленные радикалы... — Мик сокрушенно покачал головой. — Им при-

надлежит Великобритания! Им принадлежим мы со всеми нашими потрохами, девочка. Весь земной шар у их ног — Европа, Америка, что там еще. Палата лордов под завязку набита радикалами. Королева Виктория и шагу не сделает без одобрения ученых и капиталистов. И нет, — он ткнул в Сибил пальцем, — нет никакого смысла бороться с этим, и знаешь почему? Потому что радикалы и вправду играют честно — *достаточно* честно, — и если голова у тебя на месте, можно стать одним из них! Никому не заставить умных людей бороться с системой, которая представляется им вполне разумной. Но это не значит, что мы с тобой, — Мик ударил себя кулаком в грудь, — остались у разбитого корыта. Это значит только, что нам нужно думать быстрее, держать глаза и уши открытыми...

Он принял боксерскую стойку: локти согнуты, кулаки сжаты и подняты к лицу, — а затем откинул волосы назад и широко улыбнулся.

— Хорошо тебе говорить, — запротестовала Сибил. — Ты-то свободная птичка. Ты был одним из последователей моего отца — ну и что из того, то же самое можно сказать о многих, кто сидит сейчас в парламенте. Но жизнь падшей женщины кончена. Кончена бесповоротно.

— Вот в том-то все и дело! — Мик раздраженно взмахнул рукой. — Ты теперь работаешь с крутыми ребятами, а мыслишь понятиями уличной девки! Мы едем в Париж, а там тебя ни одна собака не знает. Да, конечно, у здешних фараонов и начальничков есть твой индекс. Но ведь цифры — это только цифры, а твое досье — всего лишь стопка перфокарт. Индекс можно изменить, для этого есть способы. — Он взглянул на изумленное, недоверчивое лицо Сибил и широко осклабился. — Да, согласен, в Лондоне твоим драгоценным это не так-то просто. А вот в Париже, под боком у Луи Наполеона, обстановочка совсем иная! В привольном городке Пари все дела делаются быстро, как по маслу, особенно дела авантюристки с хорошо подвешенным языком и красивыми ножками.

СОДЕРЖАНИЕ

Итерация первая. АНГЕЛ ГОЛИАДА	5
Итерация вторая. ДЕРБИ	91
Итерация третья. ПЛАЩ И КИНЖАЛ	124
Итерация четвертая. СЕМЬ ПРОКЛЯТИЙ	266
Итерация пятая. ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО	394
Модус. ПАСЬЯНС ИЛЛЮСТРАЦИЙ	478
Примечания. <i>А. Гузман, М. Пчелинцев</i>	515

Гибсон У., Стерлинг Б.

Г 46   Машина различий : роман / Уильям Гибсон, Брюс Стерлинг ; пер. с англ. М. Пчелинцева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 544 с. — (Мир фантастики).

ISBN 978-5-389-15310-3

Шедевр альтернативной истории, краеугольный камень субкультуры стимпанка («парового панка»), единственный пример полновесного со-творчества двух жанровых революционеров, которым тесны рамки лю-бого жанра. «Машина различий» — это широкомасштабная, полифонич-ная панорама мира, в котором одновременно с промышленной рево-люцией произошла революция информационная, так что компьютер явился на век раньше положенного. Мира, в котором Чарльз Бэббидж построил свою разностную машину, а власть у аристократии перехвати-ли лорды-радикалы во главе с Байроном. Мира, в котором палеонтологи-катастрофисты ожесточенно спорят с униформистами, возглавляемая Карлом Марксом коммуна взяла власть в Нью-Йорке, вычислительные мощности измеряются суммарной длиной зацепления медных шестере-нок, Лондону грозит экологическая катастрофа, а бунтовщики-луддиты предоставляют конспирологам богатую пищу для размышлений...

УДК 821.111(73)
+821.111-312.4

ББК 84(7Coe)
+84(7Кан)-44

Литературно-художественное издание

УИЛЬЯМ ГИБСОН
БРЮС СТЕРЛИНГ
МАШИНА РАЗЛИЧИЙ

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Антиповой
Корректоры Елена Терскова, Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.08.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 34. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MFF-23690-01-R

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/